

Эстетическая стадия производства/потребления и «революция времени по выбору»

Манола Антониоли

Перевод с французского *Михаила Маяцкого*. Публикуется с любезного разрешения автора.

Доктор философии, профессор философии в Лаборатории исследований в области философии, архитектуры и урбанистики (GERPNAU) Высшей национальной школы архитектуры искусств Париж–Ла-Виллет.

Адрес: 3–15 quai Panhard et Levassor, 75013 Paris, France.

E-mail: antonioli.manoila@wanadoo.fr.

Ключевые слова: культура; развлечение; темпоральность; капитализм; потребление; досуг.

Отталкиваясь от текста Ханны Арендт «Кризис в культуре», статья прослежи-

Проблема с массовой общественностью относительно новья и, возможно, еще более серьезна, но не из-за самих масс, а из-за того, что это общество есть, по существу, общество потребителей, где досуг используется уже не для самообожествления и приобретения более высокого общественного статуса, а для того, чтобы потратить и развлекаться еще и еще. Но вокруг не настолько много потребительских благ, чтобы удовлетворить растущие аппетиты жизненного

процесса, энергия которого больше не растрачивается в мотарствах трудящегося тела и потому должна быть уращодована на потребности. И поэтому жизнь словно сама пришла себе на помощь и промкнула к вещам, которые ей некогда не предназначались. В результате возникла, конечно, не массовая культура, которой, строго говоря, вообще не существует, а массовые развлекания за счет предметов культуры мира. Думать будто такое общество станет

вают, как в современном обществе потребления культура превращается в развлечение, что приводит к утрате политического измерения искусства и культуры. Подвергнув острой критике общество потребления, Жан Бодрийяр проанализировал парадоксально привилегированное место, которое в нем уделяется времени. Он показал, в частности, что распределение свободного времени в обществе коррелирует с распределением всех прочих благ. Качество «свободного времени» становится способом социальной стратификации, социально нагруженным «различием» (Пьер Бурдьё). Современные мифы о свободном времени и досуге строятся вокруг иллюзорного желания вернуть времени потребительскую стоимость. Но для этого «свободное» время нужно реинвестировать и посвятить разным видам потребительской деятельности: путешествиям, культуре, спорту и т. д.

Досуг становится полем драматических противоречий, поскольку индивиды связывают свои надежды со свободой и, следовательно, с системой импульсивных желаний. Так досуг становится производственной и стоимостной категорией. Бодрийяр показывает, как парадигма труда экстраполируется на все время, включая время досуга. В своей теории симулякра он прослеживает, как города становятся обширными парками аттракционов. Современная экономика художественного капитализма (Жиль Липовецкий и Жан Серуа) делает соблазнительными продукты потребления, дизайна, моды, кино и т. д. Производство/потребление все более тотально становятся олицетворением досуга. В заключение обращение к Андре Горцу позволит нам наметить выход из связи рабочего и досугового времени (оба *вынужденные*) через «революцию времени по выбору».

*более «культурноли»,
когда пройдет некоторое
время и образование сдела-
ет свое дело, — это, как
я полагаю, роковая ошибка.
Дело в том, что обществу
потребителей неоткуда
узнать, как заботится о ми-
ре и вещах, принадлежа-
щих исключительно сфере
мировой явленности.
Ведь оно ко всем пред-
метам относится в первую
очередь потребительски,
а все, к чему так относится,
ждет гибели*

*Ханна Арендт,
Кризис в культуре*

Отходы культуры

В своем эссе «Кризис в культуре» 1954 года Ханна Арендт задается вопросом о происхождении массовой культуры в массовом обществе, той культуры, которая отныне потребляется в виде развлечения (*entertainment*), как и все прочие объекты потребления. Ее размышления приобретают еще большую актуальность сегодня, 60 лет после их публикации, в условиях, когда продукты, безостановочно предлагаемые досуговыми индустриями, стали для нас жизненной необходимостью: наша зависимость от экранов,

телефонов, потока изображений постоянно возрастает. То, что нам сегодня предлагается под вывеской «продукты культуры», — это уже не только и не столько книги, музыка и фильмы, сколько видеоигры, платформы сетевой торговли, фотоаппараты, компьютеры, смартфоны, тематические развлечения, «культурные каникулы», позволяющие «провести время», заполнить пустое время, пустое от «полезных» занятий, которым мы должны посвящать рабочее, а не свободное время.

Это «пустое» (скорее, чем «освобожденное») время. Однако это не время праздности, если понимать это слово, как делает Арендт, в резонансе с латинским *otium*’ом — временем, свободным от любого *negotium*,

...временем, когда мы свободны от всех беспокойств и дел, диктуемых жизненным процессом, и тем самым свободны для мира и его культуры¹.

Время досуга, следовательно, это время, которое «остается», время «остатков», время, свободное от труда и сна. Даже если эта остаточная часть времени изрядно выросла благодаря механизации и другим технологиям, труд, сон и досуг, будучи пассивными и/или развлекательными, продолжают составлять, по мнению Арендт, жизненный биологический процесс и относятся, следовательно, к сфере, по выражению Фуко, биовласти, занятой здоровьем, питанием, гигиеной, сексуальностью и рождаемостью, ставшими сегодня важными политическими проблемами², — одним словом, власти, заботящейся скорее о населении, чем о народе³.

В этой перспективе труд и досуг, хлеб и зрелища не противопоставляются друг другу, а взаимопроникают: обе стороны необходимы для жизни и самосохранения, обе должны постоянно производиться и воспроизводиться для поддержания бесконеч-

1. Арендт Х. Кризис в культуре // Арендт Х. Между прошлым и будущим. М.: Ин-т Гайдара, 2014. С. 302.
2. См. сжато о «биовласти» по Фуко: Revel J. Le Vocabulaire de Foucault. P.: Ellipses, 2002; *Idem*. Dictionnaire Foucault. P.: Ellipses, 2008. У самого Фуко: Foucault M. Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France, 1981–1982. P.: Gallimard-Seuil-EHESS, 2004; *Idem*. Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979. P.: Gallimard-Seuil-EHESS, 2004.
3. Темпоральные различия, связанные с трудом, производением и действием, продуманы в: Arendt H. The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958.

ного процесса производства/потребления. Культурным индустриям не нужна ни культура, ни *otium*, но досуг и время, постоянно опустошающееся и заполняющееся заново:

В любом случае до тех пор, пока индустрия развлечений производит собственные потребительские блага, у нас не больше оснований упрекать ее за недолговечность ее предметов, чем упрекать пекаря за то, что он производит блага, которые, чтобы они ни испортились, надо потратить сразу после изготовления⁴.

Очевидно, что в этих размышлениях находит свой отзвук понятие культурной индустрии, разработанное Теодором Адорно и Максом Хоркхаймером в «Диалектике разума»⁵. Они уже в 1944 году говорили о культурной отрасли как о «настоящем хаосе», который на деле тонко управляется различными техниками в контексте того, что в капиталистическом обществе

...сегодня культура на все накладывает печать единообразия. Кино, радио, журналы образуют собой систему. Каждый в отдельности ее раздел и все вместе выказывают редкое единодушие⁶.

Творцы культурных индустрий могут, по Адорно и Хоркхаймеру, рассчитывать на фундаментальную рассеянность потребителя, готового поглотить все, что ему будет предложено, ибо он становится жертвой невероятного давления экономики, которое сказывается и на труде, и на моментах досуга, сходных с трудом. В развитом капитализме забава становится продолжением труда, а ищут ее, чтобы временно забыть о работе и вновь обрести силы и форму к моменту следующего столкновения с ней. Чтобы ускользнуть от засилья все более и более автоматизированного труда, индивид ищет убежища в столь же стандартизированных продуктах развлечения, по сути воспроизводящих сам трудовой процесс: отвлечься от трудового процесса на фабрике и в бюро оказывается возможным, только приспособившись, приладившись к нему на досуге. В этих условиях переход от удовольствия к скуке становится стремительным: чтобы остаться удовольствием, досуг должен не требовать никако-

4. *Арендт Х.* Указ. соч. С. 304.

5. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.

6. Там же. С. 149.

го усилия, а реакции каждого практически должны быть предписаны самим продуктом потребления (а каком бы продукте ни шла речь). Для сценаристов голливудского кино само существование точного сюжета может представлять опасность, поскольку он может ввести логические взаимосвязи, предполагающие со стороны зрителя слишком серьезные интеллектуальные инвестиции. Сюжет может быть с удобством заменен спецэффектами, все более специальными со времен внедрения 3D.

По Арендт, нам всем свойственна потребность в досуге и развлечениях в той или иной ее форме, поскольку мы все подчинены большому биологическому циклу производства-потребления, в который они входят. Отрицать власть над нами объектов простого развлечения было бы чистым лицемерием или тщетным снобизмом. По ее мнению, выживанию культуры угрожают не столько те, кто заполняет свободное (пустое) время развлечениями, сколько те, кто использует «образовательные гаджеты», чтобы улучшить свое социальное положение для вящего «отличия». Но современная досуговая индустрия должна постоянно выбрасывать на рынок новые товары, и, чтобы удовлетворить гаргантюэлевым аппетитам потребителя, она прочесывает все поле прошлой и настоящей культуры в поисках сырья, которое затем модифицирует, упрощает, «усваивает» (в биологически-пищеварительном смысле слова) для превращения его в продукты, легкие для употребления. Типичным примером здесь могут послужить бесчисленные кинематографические ремейки, которые как бы каннибалистически питаются историей самого кино.

О массовой культуре речь может идти, когда массовое общество поглощает предметы культуры, производя развлечения из отбросов культуры, продвигаемых самыми раскрученными интеллектуалами, роль которых состоит в том, чтобы

...организовывать, распространять и изменять предметы культуры для того, чтобы убедить массы, что «Гамлет» может быть таким же развлекательным, как «Моя прекрасная леди», а возможно, и столь же поучительным⁷.

Проблема массового общества состоит поэтому не в массах самих по себе, а в его структуре, целиком нацеленной на потребление (времени, труда, культуры), при котором время досуга

7. Арендт Х. Указ. соч. С. 305–306.

служит уже не самосовершенствованию, не логике различения, проанализированной Пьером Бурдьё⁸, не укреплению своего социального положения, а тому, чтобы все больше потреблять и все больше развлекаться⁹. Когда потребительский аппетит направляется на предметы, изначально для него не предназначенные, он питается культурными объектами, которым — как и всему, к чему он прикасается, — он грозит разрушением. Опасность состоит в том, что жизненный общественный процесс поглотит в своем цикле переваривания-усвоения все объекты культуры, превратив их в простые «продукты». Нужно поэтому не просто подвергнуть критике массовое распространение культуры. Книжки, фильмы, изображения, вынесенные на продажу по низким ценам или продаваемые оптом, не претерпевают изменений в их глубинной природе; но эта природа меняется, когда культурные объекты упрощаются, сокращаются, сжимаются для их воспроизведения и распространения в широком масштабе. В этом случае культура уже не распространяется в массах, а оказывается разрушенной, переработанной в легкий для усвоения продукт, который Арендт, не колеблясь, характеризует как труху. Она пишет: «Многие великие авторы прошлого смогли пережить века забвения и отрицания, но еще неизвестно, смогут ли они пережить развлекательную версию своих посланий»¹⁰.

Радикально переосмысляются Ханной Арендт и взаимоотношения между культурой и политикой. Она разбирает их во второй части своего исследования, размышляя о месте культуры в греко-латинской традиции и в завершение анализируя кантовскую «Критику способности суждения». Хотя и всегда связанные друг с другом, культура и искусство вовсе не совпадают, напоминает нам Арендт: произведения искусства являются культурными объектами *par excellence*, но римское слово «культура» (производное от *colere* — культивировать, обживать(ся), заботиться, поддерживать, беречь, сохранять) отсылает, скорее, к отношениям человека с природой и даже к связи природы со специфической цивилизацией Рима, для которой культура обозначала прежде всего сельское хозяйство — поприще весьма престижное в отличие от искусств-ремесел (по крайней мере до начала греческого влияния). Господствующей в римском

8. Ср.: Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. P.: Les Editions de Minuit, 1979.

9. Арендт Х. Указ. соч. С. 310.

10. Там же. С. 306.

представлении о культуре и искусствах была парадигма «культуривования природы» — деятельности, близкой по характеру с сельским хозяйством в его способности обустраивать специфически человеческий мир. У греков же, напротив, само сельское хозяйство входило в область *tekhnê* — производства, технических ухищрений (куда входило и искусство), благодаря которым человеческая изобретательность одомашнивает и покоряет природу. В обеих традициях, согласно Арндт, элементом, общим искусству (как части культуры) и политике, было то, что оба они — феномены общественного и совместного мира, ускользающего как от чистого «потребления», так и от строго частной сферы. Тесная связь между эстетической областью и сферой политики становится очевидной у Канта в его «Критике способности суждения», где публичное измерение «суждения вкуса» становится основополагающим:

В эстетическом суждении ничуть не меньше, чем в политическом, принимается решение. И хотя эстетическое суждение всегда имеет некие субъективные основания в силу того простого факта, что каждый занимает свое собственное место, с которого он смотрит на мир и судит о нем, оно также основывается на том, что сам по себе мир есть объективно данное, нечто общее для всех его обитателей. В деятельности вкуса решается, как этот мир, независимо от его полезности и наших связанных с ним жизненных интересов, должен выглядеть и звучать; решается, что люди в нем увидят и услышат¹¹.

В целом, согласно Арндт, «культурный (или образованный) человек должен уметь выбирать себе компанию среди людей, вещей и мыслей в настоящем и в прошлом»¹², он должен знать, что банализация превращения культуры в развлечение неизбежно нанесет ей вред.

Труд и развлечения

Несколько лет спустя, в 1970 году, в своей едкой критике общества потребления¹³ Жан Бодрийяр посвятил главу своего ставшего знаменитым труда «драме досуга, или невозможности потратить время», в которой он проанализировал то приви-

11. Там же. С. 327.

12. Там же. С. 333.

13. *Baudrillard J.* La Société de consommation. P.: Denoël, 1970.

легированное и парадоксальное место, которое занимает время в организации и производстве/потреблении индустриальных обществ:

Существует, конечно, не больше равенства шансов, демократии в отношении свободного времени, чем в отношении всех других благ и услуг¹⁴.

Качество и количество свободного времени становятся, таким образом, отличительной чертой индивида, социопрофессиональной категории. Согласно Бодрийяру, современная мифология свободного времени и досуга основана на иллюзорном желании «вернуть времени его потребительскую стоимость», чтобы «наполнить» его индивидуальной свободой, якобы обретенной вне принудительных рамок производства и труда. Но это освобожденное (или опустошенное, как мы можем назвать его вслед за Арендт) время должно быть сразу *инвестировано* и *реинвестировано* (как одна из форм капитала наряду с прочими) в различные виды деятельности по потреблению (путешествия, туризм, культурные и «образовательные» мероприятия, спортивные события и т. д.), которые превращают досуг в место разворачивания драмы и неразрешимых противоречий, в одно из типичных мест той «шизофрении», которую Делёз и Гваттари обозначили как главный признак капитализма:

Горячая надежда на свободу свидетельствует о силе системы принуждений, которая нигде не является такой поистине тотальной, как на уровне времени¹⁵.

Меновая (а не потребительская) стоимость времени, следовательно, вовсе не обходит досуг, который беспрестанно воспроизводит время как производительную силу.

Бодрийяр вернется к этой тематике в 1976 году в «Символическом обмене и смерти»¹⁶. Здесь он подвергает резкой критике вездесущий характер парадигмы труда, применяемой к любым видам человеческой деятельности:

Теперь взаимозаменяемым сделался сам трудовой процесс: это подвижная, поливалентная, прерывистая структура инте-

14. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика. С. 132–133.

15. Там же.

16. Baudrillard J. L'Echange symbolique et la mort. P.: Gallimard, 1976.

грации, безразличная к какой бы то ни было цели, даже и к труду в его классическом операторном понимании¹⁷.

Этот процесс захватывает всю человеческую жизнь, даже (а теперь и прежде всего) в форме досуга. Этот захват может принимать форму агрессивного присутствия или же, напротив, навязчивого отсутствия, фундаментального насилия или тотального *занятия*. Согласно Бодрийяру, в этой всеобщей мобилизации, сегодня все больше принуждающей к кочевничеству и мобильности, индивиды парадоксальным образом везде закреплены, закрепощены: в школе, на фабрике, в бюро, на пляже или в горах, перед экранами своих компьютеров, в нескончаемом диалоге, монологе со своим мобильником, с сотрудниками бюро по трудоустройству... Везде налицо тяга к смерти, едва скрытая за повсеместными знаками жизненности, активности и динамизма, не оставляющими ни одно место подлинно свободным. Бодрийяр отдавал себе полный отчет в изменениях, которые труд претерпевает сегодня и еще больше претерпит завтра:

...профессиональное обучение, автономия и самоуправление, децентрализация трудового процесса — вплоть до калифорнийской утопии кибернетизированного труда, выполняемого на дому¹⁸.

Однако он не видел в этих процессах никаких ресурсов для освобождения. Он усматривал в них, скорее, метаморфозу каждого индивида в некий, пусть крошечный, терминал безупречной сети, которая уже не довольствуется грубой покупкой рабочей силы, а тонко формирует ее, используя ресурсы дизайна, маркетинга, коммуникации, PR и рекламы. Если мы привыкли усматривать в сфере потребления расширение области производства/потребления, то следует, скорее, сделать обратное: вся сфера производства, труда теперь превращается в сферу потребления, в «общий дизайн жизни». Даже творчество, воображение, желания работников/производителей ныне впитаны в сферу стоимости, которая является уже не просто меновой, но «расчетной», сведенной к определенному числу переменных и случайных величин.

Все виды труда оказываются ориентированы на одно определение труда/услуги и сравниваемы только с ним — с трудом как постоянной занятостью, иногда абсолютно тщетной и непродук-

17. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. С. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. С. 48.

18. Там же.

тивной, с трудом как затратами или вложением времени, требующего участия тела, времени, пространства, ума и желания работника (или безработного), теперь ставшего «поставщиком услуги». Труд становится, таким образом, полным вовлечением-аннексией личности, которая все меньше может позволить себе отлучиться, отвлечься — и прежде всего в своих досуговых деятельности, которым полагается подпитывать производство и участвовать в бесконечном росте, не имеющем теперь никакой иной цели, кроме как самовоспроизводиться (в том бессмысленном и чудовищном биологическом цикле, который описывает Арендт). Бодрийяр замечает: «В этом смысле труд больше не отличается от других видов практики, в частности от своей противоположности — свободного времени»¹⁹, предполагающего такую же непрерывную мобилизацию, и становится по сути такой же «оказанной услугой», которая, строго говоря, должна была стать платной.

В тот момент, когда исчезают заводы (по крайней мере в одной части планеты), все общество приобретает облик завода. В этом исчезновении мест, субъектов и социальных времен, традиционно отведенных для труда, каждый оказывается вовлеченным в метаморфозу, распространяющую логику капитала на все общество, на деятельность и досуг каждого: «Труд — повсюду, потому что труда больше нет»²⁰.

Эстетизация мира

Так назвали свою недавнюю работу социолог Жиль Липовецкий и литературный, кино- и гастрономический критик Жан Серуа, изучившие и проанализировавшие обширный эстетический универсум, производимый «художественным капитализмом» (*capitalisme artiste*), который заряжает соблазном все продукты потребления, дизайна, моды, кинематографа и т.д. и при котором само производство/потребление все более и более глобально обретают облик досуга и наоборот. За этой привлекательной поверхностью железные законы капитализма нисколько не утратили своей брутальной принудительности. Эстетизация, за которую та прячется, уже не остается уделом интеллектуальной и художественной элиты (как это было вплоть до XIX века), а стала подлинным «тотальным социальным фактом». Продавать больше означает соблазнять потребителей, предлагая им привлекатель-

19. Там же. С. 53.

20. Там же. С. 54.

ные продукты и услуги и прибегая к помощи самых разнообразных «художников» (маркетологов, дизайнеров, криэйторов и т. д.).

Липовецкий и Серуа тем самым отмечают парадоксальное измерение современного капитализма (глубокая «шизофрения» которого давно известна). С одной стороны, капитализм предстает как система, совершенно не совместимая с эстетической жизнью в широком смысле слова, включающем в себя гармонию, красоту, искусство жить: он распространяет по всему миру холодные и однообразные городские пейзажи, необъятные торговые зоны, товары одноразового пользования, взаимозаменяемые продукты, визуальный рекламный мусор и вульгарность медиа. С другой стороны, логика производства изменилась, и системы производства, распределения и коммуникации преобразуются с помощью действий, носящих характер вполне эстетический: «художественный капитализм» придает все больше веса ощущениям, соблазняющему ресурсу товаров, чьи эстетика, воображаемое, эмоциональный заряд ставятся на службу прибыли. Происходит постепенная диверсификация и гибридизация экономических и эстетических сфер, приемов моды и приемов искусства, развлечения и культуры, коммерции и творчества. Принципы эстетического существования (идеал неспешной и беззаботной жизни, культура праздности, новых ощущений, развлечений), таким образом, систематически входят в противоречие с экономической и социальной реальностью, в которой каждый подчинен императивам здоровья, эффективности, мобильности, скорости и успешности, обременен заботами о будущем планеты и о хаотичности экономики, безразличной к проблемам как экологии, так и нищеты:

Эстетическое производство бурно распространяется, но искусство жить, уязвленное в своей сути, оказывается под угрозой. Мы потребляем все больше красот, но наша жизнь не становится краше: в этом состоит успех и провал художественного капитализма²¹.

Эстетическое изобилие вовсе не означает роста ценности искусства, поскольку эта система производит в то же время избыток банального и стереотипного и поскольку искусство все меньше выполняет политическую миссию и задачи по эмансипации и образованию и все больше становится чередой игровых «экспериментов» по потреблению и развлечению, «триумфом мелкого и излишнего».

21. *Lipovetsky G., Serroy J. L'esthétisation du monde. Vivre à l'âge du capitalisme artiste.* P.: Gallimard, 2013. P. 32.

Один из явных знаков этого феномена Липовецкий и Серруа обнаружили в преобразовании центров некоторых городов в парк аттракционов. Человек XXI века становится горожанином, обитателем все более негостеприимных городов. При этом индустриальный город эпохи «производственного капитализма» уступает место городу потребительскому²²: распространяются «торговые города» (*villes franchisées*²³), в которых торговые зоны преобразуют городской и околородской пейзаж; «праздничные города», созданные для удовольствий и развлечений; «города-музеи», идущие на нарочитое выпячивание исторического наследия в интересах туризма и музеификацию своего пространства.

Работая над теорией симулякра, Бодрийяр прежде многих социологов и урбанистов подверг анализу это превращение городов в парки аттракционов. Тонкий знаток американских городов, он увидел в Диснейленде совершенную модель переплетения симулякров разных порядков; воображаемый мир, отражающий все парадоксы реальной Америки; анклав, призванный заставить забыть, что весь окружающий его мир принадлежит уже не «реальному» миру, а порядку гиперреального и симулятивного. Этот анализ «городского очарования», произведенного лос-анджелесскими «фабриками по производству воображаемого», мог быть применен и к «превращению-в-город-аттракцион» и других городов, например многих «глобальных городов»: здесь можно упомянуть Лас-Вегас, город, подчиненный ритму развлечений, город программной и зрелищно-эффективной архитектуры²⁴, и Дубай, этот «Лас-Вегас на воде», место осуществлены «перевод культуры, освобожденной от своего содержания, и трансплантация натуры без всякой натуры»²⁵, город, целиком отданный туристам и «услугам по созданию атмосферы»²⁶. Однако сегодня возвращение к «настоящей» пустыне угрожает мегалополисам, порожденным «пустыней реального», «городским очарованием», в которых проявляются все противоречия современного капитализма (сближение труда и досуга, преклонение перед природой и разрушение окружающей среды...) и в кото-

22. Ср.: La ville à consommer // Lipovetsky G., Serroy J. Op. cit. P. 326–337.

23. Понятие *ville franchisée* было введено урбанистом Давидом Манженом: Mangin D. La Ville franchisée. Formes et structures de la ville contemporaine. P.: Editions de la Villette, 2004.

24. Bégout B. Zeropolis. L'expérience de Las Vegas. P.: Editions Allia, 2002.

25. Cusset F. Questions pour un retour de Dubaï // Davis M. Le Stade Dubaï du capitalisme. P.: Les Prairies ordinaires, 2007. P. 67.

26. Ibid. P. 71.

рых огражденные и охраняемые пространства становятся пространственно-временной моделью одновременно для привилегированных жилых анклавов, для торговых центров и для парков аттракционов в масштабах всего города.

В 2010 году это «превращение-городов-в-парки-аттракционов» стало предметом великолепной выставки «*Dreamlands. От парков аттракционов к городам будущего*» в парижском Центре Помпиду. Здесь было представлено несколько типов таких городов. «Тематический город-парк» восходит к понятию *imaginering*, разработанному Уолтом Диснеем в начале 1950-х годов. *Imagineering* — это инженерия воображаемого, применяющая к воображению подходы, присущие производственному процессу. Архитектурная программа уже не подчиняется ни требованиям удобства общежития, ни творчеству новых форм, служащих различным функциям (согласно модернистскому проекту в архитектуре и дизайне XX века), но подчинена рамкам некоего повествования, вымысла, некоей истории, элементам второстепенным, но необходимым для того, чтобы «художественный капитализм» мог продать свои товары. Эти принципы отныне применяются в развитии целых городов (Лас-Вегаса, Шанхая, Дубая) при растущем взаимопроникновении реальности и фикции, производства/потребления и досуга:

Лас-Вегас преобразовал искусственный рай в рай искусности.

С помощью огромной массы игр и рекламы он превратил трансцендентность банального в торговлю чудесным²⁷.

По поводу Дубая Франсуа Кюссе, комментируя Майка Дэвиса, говорит о «леденящем жаре»²⁸: за впечатляющими сооружениями, роскошными отелями, вырастающими, как грибы, за организацией всей экономики вокруг туризма и развлечений развитый капитализм укрепляет свойственное ему соотношение сил. Вся эта роскошь производится дешевой рабочей силой из Пакистана, Бангладеш, Южной Индии, руками бесчисленных слуг, приехавших из Филиппин и Индонезии. На примере Дубая Майк Дэвис наглядно показывает три характерные формы нового досугового урбанизма: трансляцию, трансплантацию и вклинивание. Трансляция-перевод элементов, заимствованных с Запада, которые должны стать более видными, более непосредственно заметными (ночные бары с лабиринтовым ин-

27. *Bégout B.* Op. cit. P.64.

28. *Cusset F.* Op. cit.

терьером, роскошные рестораны, дорогие машины); трансплантация в той мере, в которой природа уже не существует, а пустыня появляется только в промежутках между двумя стройками (все продовольствие производится вне городов, вода для бассейнов искусственно нагревается или охлаждается, когда морская вода слишком тепла; пальмы привозятся из других стран); организация городского пространства как серии охраняемых анклавов. В этих условиях туризм является уже не одним видом досуга среди прочих, но самым *raison d'être* для существования всего городского пространства, отданного неограниченному потребительскому наслаждению. Происходит взаимоналожение досуга и производства/потребления, при котором публичные пространства исчезают из города, а союз зрелого капитализма и тотального развлечения не оставляет никакого места для политики.

За цивилизацию освобожденного времени

Изложенное должно было ясно показать, что вопрос досуга и культуры неразрывно связан в современном капитализме с промышленным производством, его ритмами, а также с ритмами и темпоральностью труда. Досуг заполняет «свободное время», подверженное все более расщепленным темпоральностям, которые должны претерпевать работники. Он становится первой вожделенной целью тех, чье «пустое время» заполнено отчаянной чередой мелких заработков без возможного продолжения или бесконечной переквалификации, единственной задачей которой становится занять хоть чем-то безработных. Выходом из этого порочного круга, изобличенного уже в 1940-е годы Адорно и Хоркхаймером, могла бы стать полная реорганизация времени жизни и времени работы. Липовецкий и Серуа говорят о двух очень различных формах или версиях «эстетической жизни»: одна диктуется ускорением, производством, потреблением, досугом и поиском выгоды, тогда как другая претендует на существование, склонное открывать для себя новые возможности замедления, способы освоить долгое время обучения и культуры, избежать чисто экономической логики.

Именно эту вторую версию «эстетической жизни» отстаивает Андре Горц, философ труда и экологии. В статье 1993 года «Строить цивилизацию освобожденного времени»²⁹ Горц осудил

29. Она вошла в сборник: *Bâtir la civilisation du temps libéré*. P: Le Monde diplomatique / Les liens qui libèrent, 2013.

мантроподобный дискурс политиков и экономистов, безостановочно повторяющих, что после *кризиса* возвращение к *росту* положит конец безработице. Оба слова, «кризис» и «рост», уже не соответствуют никакой экономической реальности, но с начала 1980-х годов кочуют из речи в речь. Горц напоминает, что главной задачей экономики является не снабдить всех работой и не создавать рабочие места, а создать максимальное богатство с помощью минимума сырья, капитала и труда. Экономика производит сегодня возрастающее количество времени, освобожденного от экономического принуждения, то самое время, которое культурные индустрии и «художественный капитализм» пытаются заполнить всевозможными средствами. Этот бесценный ресурс рассматривается то как способ подстегнуть экономический рост, то как источник социальных бед, особенно безработицы. Никто, кажется, не рассматривает всерьез новую перспективу, которая открывается перед нами в виде того, что можно назвать цивилизацией освобожденного времени.

Идея сокращения рабочего времени мыслится Горцем не как технократическая мера по распределению труда и зарплаты (которая должна уменьшиться пропорционально сокращению работы по найму) с целью снижения безработицы. Утопия Горца вполне конкретно предусматривает систематическое сокращение длительности работы без потери заработка. В самом деле, когда экономика потенциально в состоянии производить больше и лучше при сокращении труда, уровень дохода каждого не должен зависеть от количества вложенного им труда; напротив, политика перераспределения богатств должна позволить всем работать меньше. Это политическое видение должно вписаться в долговременную перспективу (противоположную близорукой политике быстрого успеха, свойственную современной политике) и с необходимостью подразумевает двойной источник дохода: зарплату, которая будет уменьшаться с сокращением рабочего времени, и социальное «пособие на существование», размер которого будет возрастать по мере уменьшения зарплаты. Эта «революция времени по выбору», связанная с введением универсального гарантированного пособия, не может свестись к одной мере, к одной модальности, навязанной работникам сверху (25- или 30-часовая рабочая неделя и т.д.), но должна предложить широкий выбор модальностей, которые уже, кстати, экспериментируются в разных странах: сокращение рабочего времени (будь то в день, неделю, месяц или год), право на «саббатикал» раз в пять лет, право на отпуск по воспитанию ребенка, отпуск

для индивидуального образования, оплачиваемый отпуск по уходу за больным родственником или больным ребенком и т.п.

Предлагается, таким образом, подлинное управление временем самими работниками, которое могло бы позволить приспособить периоды освобожденного времени к индивидуальному проекту или ситуации каждого. Такой вариант представляется единственным решением, позволяющим избежать, чтобы это время свелось к пустому или опустошенному времени, эксплуатируемому индустриями развлечения и досуга. Освобождение времени призвано не умножать новые рабочие места и услуги, а релятивизировать место экономического фактора в организации индивидуального и коллективного времени. Целью видится создание нового равновесия между наемным трудом и продуктивной неоплачиваемой деятельностью (сеть солидарной экономики, кооперативные структуры, клубы по культурным интересам), нового расклада между «быть» и «иметь», где время уже не будет ни переполненным (для работников, поставленных под пресс продуктивизма и эффективности), ни слишком пустым (для безработных) и где растущая автономия и экзистенциальная безопасность позволили бы каждому выскользнуть из социального времени безмерного конsumerизма и труда в угоду мифу о росте. Это время можно будет инвестировать в создание коллективного, множественного и устойчивого мира, в котором Арендт видела сущностную характеристику культуры.

Литература

- Arendt H. *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press, 1958.
- Bâtir la civilisation du temps libéré. P.: Le Monde diplomatique / Les liens qui libèrent, 2013.
- Baudrillard J. *L'Echange symbolique et la mort*. P.: Gallimard, 1976.
- Baudrillard J. *La Société de consommation*. P.: Denoël, 1970.
- Bégout B. *Zeropolis. L'expérience de Las Vegas*. P.: Editions Allia, 2002.
- Bourdieu P. *La Distinction. Critique sociale du jugement*. P.: Les Editions de Minuit, 1979.
- Cusset F. *Questions pour un retour de Dubaï* // Davis M. *Le Stade Dubaï du capitalisme*. P.: Les Prairies ordinaires, 2007.
- Foucault M. *Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979*. P.: Gallimard-Seuil-EHESS, 2004.
- Foucault M. *Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France, 1981–1982*. P.: Gallimard-Seuil-EHESS, 2004.
- Lipovetsky G., Serroy J. *L'esthétisation du monde. Vivre à l'âge du capitalisme artiste*. P.: Gallimard, 2013.
- Mangin D. *La Ville franchisée. Formes et structures de la ville contemporaine*. P.: Editions de la Villette, 2004.
- Revel J. *Dictionnaire Foucault*. P.: Ellipses, 2008.
- Revel J. *Le Vocabulaire de Foucault*. P.: Ellipses, 2002.

- Арендт Х. Кризис в культуре // Арендт Х. Между прошлым и будущим. М.: Ин-т Гайдара, 2014.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и прим. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция; Республика, 2006.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. С. Зенкина. М.: Добросвет, 2000.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.

The Aesthetic Stage of Production/Consumption and the Revolution of a Chosen Temporality

Manola Antonioli. PhD in Philosophy, Professor of Philosophy at the Laboratory for Philosophy, Architecture and Urban Research (GERPHAU) of the Higher National School of Architecture of Paris La Villette. Address: 3–15 quai Panhard et Levassor, 75013 Paris, France. E-mail: antonioli.manola@wanadoo.fr.

Keywords: culture; entertainment; temporality; capitalism; consumption; leisure.

The article follows the current evolution of culture into entertainment, which results in a loss of the political dimension of arts and culture (following Hannah Arendt). In his sharp critique of *Society of consumption*, Jean Baudrillard analyzes the paradox of the privileged place allocated to *time* in the organization of industrial society. He notes that the distribution of chances for free time is as skewed as the distribution of other types of welfare. The quality of *free time* is a distinguishing feature, a kind of *distinction* (Pierre Bourdieu). Contemporary myths about free time and leisure are based on an illusory desire to *return use*

value to time. Yet this *free time* should be reinvested and dedicated to various types of consumer activities: tourism, culture, sports. Leisure becomes a field of dramatic contradictions, as individuals turn their hope towards freedom, and thus towards a system of compulsions.

Thus, leisure also becomes a category of costs and production. Baudrillard later denounces the omnipresent nature of labor as a paradigm for all types of human activity, including leisure. In his theory of simulacrum, Baudrillard analyzed the transformation of cities into amusement parks. Gilles Lipovetsky and Jean Serroy built a theory about the growing world of aesthetics, produced by *art capitalism*. Production/consumption are increasingly taken to be the manifestations of leisure. The article will focus on a few key figures of *art capitalism*, especially those in the spheres of design and city-branding. Finally, André Gorz will help us to sketch a way out of the coalition of working and leisure time (where both are *strained*) through a *revolution of chosen time*.

References

- Arendt H. *Krizis v kul'ture* [The Crisis in Culture]. *Mezhdru proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli* [Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought] (trans. D. Aronson), Moscow, Gaidar Institute Publishers, 2014.
- Arendt H. *The Human Condition*, Chicago, University of Chicago Press, 1958.
- Baudrillard J. *L'Echange symbolique et la mort*, Paris, Gallimard, 1976.
- Baudrillard J. *La Société de consommation*, Paris, Denoël, 1970.
- Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniia. Ego mify i struktury* [La Société de consommation. Ses mythes, ses structures] (trans. E. A. Samarskaia),

- Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, Respublika, 2006.
- Baudrillard J. *Simvolicheskii obmen i smert'* [L'Echange symbolique et la mort] (trans. S. Zenkin), Moscow, Dobrosvet, 2000.
- Bégout B. *Zeropolis. L'expérience de Las Vegas*, Paris, Editions Allia, 2002.
- Bourdieu P. *La Distinction. Critique sociale du jugement*, Paris, Les Editions de Minuit, 1979.
- Cusset F. Questions pour un retour de Dubaï. In: Davis M. *Le Stade Dubaï du capitalisme*, Paris, Les Prairies ordinaires, 2007, pp. 40–87.
- Foucault M. *Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979*, Paris, Gallimard-Seuil-EHESS, 2004.
- Foucault M. *Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France, 1981–1982*, Paris, Gallimard-Seuil-EHESS, 2004.
- Gorz A. *Bâtir la civilisation du temps libéré*, Paris, Le Monde diplomatique / Les liens qui libèrent, 2013.
- Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika prosveshcheniia. Filosofskie fragmenty* [Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente] (trans. M. Kuznetsov), Moscow, Saint Petersburg, Medium, Iuventa, 1997.
- Lipovetsky G., Serroy J. *L'esthétisation du monde. Vivre à l'âge du capitalisme artiste*, Paris, Gallimard, 2013.
- Mangin D. *La Ville franchisée. Formes et structures de la ville contemporaine*, Paris, Editions de la Villette, 2004.
- Revel J. *Dictionnaire Foucault*, Paris, Ellipses, 2008.
- Revel J. *Le Vocabulaire de Foucault*, Paris, Ellipses, 2002.